

Макрушина Ирина Владимировна

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ МАРКА
АЛДАНОВА**

В статье освещается влияние на историософскую концепцию М. Алданова психологической теории о двоемирности человеческой души, темная, разрушительная сторона которой раскрывается в истории. Психологически детерминируя политическую историю, писатель в своих произведениях выявляет неизменные человеческие личные мотивы и субъективные импульсы, становящиеся тайными пусковыми механизмами исторических событий (соображения престижа, властолюбие, тщеславие, человеческие слабости и пороки).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 118-122. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Грамматический очерк осетинского языка. Владикавказ: Ир, 1959. 168 с.
2. **Валимова Г. В.** Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов н/Д, 1967. 331 с.
3. **Гагкаев К. Е.** Синтаксис осетинского языка. Владикавказ: Ир, 1956. 276 с.
4. **Жинкин Н. И.** Развитие письменной речи учащихся 3-7 классов // Известия АН РСФСР. М., 1956. Вып. 78. С. 141-256.
5. **Исаев М. И.** Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе: Ир, 1974. 92 с.
6. **Калоева Р. В.** Абетæ. Владикавказ: Ир, 2011. 138 с.
7. **Львов М. Р.** Речь младших школьников и пути ее развития. М.: Просвещение, 1975. 176 с.
8. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. Изд-е 7-е. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
9. **Программы по осетинскому языку и литературе, 1-11 классы.** Владикавказ: Ир, 2004. 102 с.
10. **Фирсов Г. Л.** Об изучении синтаксиса и пунктуации в школе. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 176 с.

**SYSTEM OF WORK ON FORMING THE ABILITY TO PRODUCE AND ARRANGE TONALLY
THE SENTENCES AT THE INITIAL STAGE OF TEACHING NATIVE (OSSETIAN) LANGUAGE**

Mairamukaeva Fatima Akhpolatovna, Ph. D. in Pedagogy
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
majr-fatima@yandex.ru

The article examines the prosodic work on a sentence in the period of teaching the ABC of the native (Ossetian) language. The author claims that the prosodic work on a sentence in this period promotes the conscious learning of a concept "sentence", its content and meaning, developing punctuation skills. The researcher introduces her own original system of tasks.

Key words and phrases: intonation; prosodic work on a sentence; initial stage of native language teaching; formation of prosodic sense; analytical and synthetic exercises.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье освещается влияние на историософскую концепцию М. Алданова психологической теории о двомирности человеческой души, темная, разрушительная сторона которой раскрывается в истории. Психологически детерминируя политическую историю, писатель в своих произведениях выявляет неизменные человеческие личные мотивы и субъективные импульсы, становящиеся тайными пусковыми механизмами исторических событий (соображения престижа, властолюбие, тщеславие, человеческие слабости и пороки).

Ключевые слова и фразы: историческая проза; историософская концепция; двомирность души; историческая личность; первичность психологической детерминации политики.

Макрушина Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент
Бакирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
makruschina@mail.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ МАРКА АЛДАНОВА[©]**

Марк Алданов (1886-1957) – выдающийся исторический прозаик, занимающий видное место в литературной жизни русского зарубежья первой волны. Наследие этого писателя включает в себя психологическую публицистику, представленную несколькими книгами портретных очерков исторических лиц; его перу принадлежат рассказы, пьесы, киносценарии, книга философских диалогов «Ульмская ночь» (1953) [9], многочисленные заметки и размышления на историко-политические темы; им написаны статьи о литературе проблемного и обзорного характера, рецензии, воспоминания, эссе. Будучи химиком по образованию, Алданов издавал и научные труды. Увлечение химией пройдет через всю его жизнь: от публикации в 1910 году статьи «Законы распределения вещества между двумя растворителями» до монографии «Актинохимия» (1937) и работы «К возможности новых концепций в химии» (1951) [22, с. 4]. Но самая значимая часть обширного наследия писателя – это историческая серия о прошлом и современности, состоящая из 16 романов и повестей, связанных между собой общностью идейно-концептуальных построений и художественных решений. Этот прозаический цикл, охватывающий почти два столетия русской и европейской истории (XVIII-XX вв.), Алданов создавал всю свою жизнь, начав его в 1921 году небольшим по объему произведением «Святая Елена, маленький остров» [6] и завершив в 1956 году романом «Самоубийство» [5].

В своей исторической прозе Алданов не только изображает эмпирически воспринимаемую (внешнюю) историю, но и освещает скрытую сущность лиц и событий. Ни один писатель не обладает полной информацией

о минувшем, не может экспериментально-практически взаимодействовать с ним, что объясняет субъективный характер историко-художественного исследования, осуществляемого с позиции другой эпохи, иного знания о мире. Это доказывает неизбежность концептуального осмысления истории, предполагающего свободную интерпретацию, рассмотрение ее как «...объекта художественного преобразования, пересоздания творческой мыслью (при сохранении всех исторических реалий)» [13, с. 23-24].

Проблема взаимосвязи между событиями истории и психологическими особенностями людей, облеченных властью, предполагает междисциплинарный подход. Она исследуется психологией, антропологией, историей, философией истории, историографией, этнографией, социологией, философией. К осмыслению этой проблемы обращаются не только разные науки, но и художественная литература, особенно историческая проза.

Художественное творчество М. Алданова объединено неким историософским концептом – «проективным наброском однообразного способа действия над конкретностями» [10, с. 273]. Относя роман к «самой свободной форме искусства, синтетическому жанру, частично включающему в себя поэзию, драму (диалог), публицистику и философию» [7, с. 444], Алданов считал, что задача исторического романиста сводится к «...освещению внутренностей действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению – к такому размещению, при котором они о б ъ я с н я л и б ы э п о х у и э п о х а о б ъ я с н я л а б ы и х» [8, с. 572] (*разрядка автора – И. М.*). Алданов – одаренный аналитик исторических событий и сознания действующих лиц. Исследователь русской эмигрантской литературы Г. Струве так определил жанровую природу исторических романов писателя: они «...столь же историко-философские, сколь и историко-психологические, и постепенно история даже вытесняется из них психологией» [20, с. 89].

Как отмечает Т. С. Золотавина, одними из первых в отечественной историографии к проблеме соединения истории и психологии подошли С. Ф. Платонов и Р. Ю. Виппер. Они подчеркивали важность изучения субъективной стороны исторического процесса через выявление человеческой активности индивидов. Пришло понимание, что личность «не просто “винтик” исторического процесса, но важная его часть, если не центральная фигура, которую не следует забывать за историей народа и государства» [11, с. 5]. Если исторический процесс протекает среди многих возможностей, то осуществление или неосуществление любой из них при общей их допустимости зависит, по мнению историка Н. Кареева, и от поведения исторической личности, оказавшейся в переживаемый момент на политическом олимпе: «...когда поступок человека определяется изнутри, и ему предшествует... психический процесс, отрезающий человека от... внешних влияний, на которые он мог явиться ответом, то истинным источником поступка является самое “Я” субъекта» [12, с. 135]. И в центре раздумий М. Алданова проблема воздействия личности на ход исторического процесса. Писатель осмысливает с нравственно-этической позиции возможные последствия исторического «творчества» индивидуумов. Историософское мышление Алданова, проникнутое пониманием важности личностного начала в истории, опирается на изыскания персонализма и субъективной школы, в традиции которых отрицание объективных законов общественного развития при абсолютизации активной роли волевого субъекта в истории. Создателями русской субъективной школы, почти неизвестной на Западе, писатель считал Герцена, а также социолога и знаменитого в свое время литературного критика Н. Михайловского [9, с. 381]. В. Сечкарев полагал, что Алданов считался и с учением персонализма, главным представителем которого является немецкий писатель и философ Рудольф Эйкен [19, с. 155]. Главная цель исторической реконструкции у Алданова, затрагивающего вопрос о влиянии волевой личности на исторический процесс, – восстановление целей и намерений деятелей истории. В своих статьях «“Диктаториальные” фигуры в исторической прозе Марка Алданова: образ Наполеона (на материале повести “Святая Елена, маленький остров”)» [14] и «Черты политического портрета Ленина в романе Марка Алданова “Самоубийство”» [16] автор данного исследования обращался к осмыслению в романах Алданова проблемы влияния волевой личности на ход исторического процесса.

Итак, больше чем события, писателя интересуют в истории личности, психология людей, неизменная на протяжении тысячелетий. В рамках алдановской историософии «реалии конкретной эпохи лишь временные, случайные декорации к продолжающейся без конца драме человеческих страстей» [15, с. 10], поэтому, не прибегая к психологическому анализу, невозможно понять суть исторического процесса. Показывая историю в её «слишком человеческом облики», писатель исследует личные мотивы и субъективные психологические импульсы политических фигур, становящиеся тайными пусковыми механизмами исторических событий.

Катастрофическое течение истории обусловлено в понимании Алданова несовершенством природы человека, остающейся неизменной на протяжении тысячелетий. Психологический аспект историко-философской концепции писателя представлен теорией, нашедшей претворение во многих его произведениях. По Алданову, человеческая душа двоимирна. Один мир – внешний, видимый, наигранный. Другой мир, более подлинный и устойчивый, скрывает в себе темные, низменные свойства души – ненависть и безумие. Государство и право выполняют функцию обуздания (или маскировки) злобно-эгоистических начал человеческой природы. Алданов вкладывает в уста своих героев мысль о том, что черная разрушительная сторона человеческого естества раскрывается в историческом деянии: «Приблизительно раз в двадцать или в тридцать лет история наглядно нам доказывает, что так называемое культурное человечество эти двадцать или тридцать лет жило выдуманной жизнью» (Браун в разговоре с Федосьевым) [3, с. 135]. Черный мир прорывается неизбежно. Человечество время от времени сбрасывает с себя культурные оковы: «...потребность стать дикарем неискоренима в человеке, и ей Господь Бог дает выход либо в форме войны, либо – гораздо реже – в форме революции» (Пьер Ламор в разговоре со Штаалем) [1, с. 188]. Справедливо наблюдение Б. А. Кдырбаевой: «Социальный контекст для Алданова в понимании сущности человеческой природы – лишь смена исторических декораций, главное же – собственно природное, психическое» [13, с. 36-37]. Ленин у писателя в романе «Самоубийство» сделал ставку на насилие, разбудив звериное разрушительное

начало в человеке. Люди сбились в толпу, которая существует по законам безнаказанной разнузданности. На вопрос, откуда взялось столько ненависти и зла, которых мы не замечали прежде, Алданов отвечает, не обращаясь к теории социальных антагонизмов. В «Самоубийстве» старого химика, заведовавшего лабораторией на заводе, в октябре «вывезли на тачке», хотя он был либеральных взглядов и очень хорошо обращался с рабочими. Вывезли ни за что, «из принципа и из озорства», подчиняясь общему «массовитому» задору. Это и есть пример проявления коллективной психологии.

Герои писателя размышляют о противоречивости человеческой природы: «кто знает, из каких инстинктов слагаются лучшие человеческие чувства, из каких побуждений совершаются так называемые доблестные подвиги. Шаткая, шаткая вещь человеческая душа» (Пьер Ламор) [1, с. 200]. Опытный правитель, Наполеон у Алданова умело пользуется людскими слабостями: «Серьезно упрекать человека за то, что он себялюбив, зол, жаден или глуп, было так же несвойственно императору, как упрекать зверей в животных инстинктах... Он не мешал им ни сплетничать, ни интриговать; благосклонно... выслушивал то дурное, что каждый мог рассказать о других, – почти всегда верил всему дурному в людях» [6, с. 356]. Мир не может выйти из состояния исконного варварства «...вследствие дурного от природы устройства людей» (Вермандуа) [4, № 7, с. 34]; «научная теория прогресса совершенно невозможна..., потому что в основе социальных явлений лежит человек, то есть нечто неопределенное, переменчивое и противоречивое» (Вермандуа в беседе с Серизье) [Там же, № 8, с. 98].

Алданова интересуют в истории не только события, но и психология людей, одинаковая во все времена на всех географических широтах. По мысли писателя, исторических законов не существует. Романист, исследующий прошлое, нуждается в знании законов психологии как индивидуальной, так и коллективной. Убежденный в первичности психологической детерминации политики, Алданов выявляет некие общечеловеческие константы, проходящие неизменными сквозь все эпохи и становящиеся тайными пружинами, движущими историю. Своеобразие рассмотрения истории сквозь призму психологии заключается в том, что выясняются внутренние мотивы поступков исторических лиц, совершаемых ими под влиянием личных амбиций, страстей. В отличие от историков, занятых поисками влияний: общественных условий, экономических факторов, политических сил (причем все эти элементы они пытаются подвести под законы, отличающиеся максимальной всеобщностью), Алданова интересуют чувственные мотивы и непосредственные поводы отдельных людей. Только это, считает он, может быть принято для рассмотрения в качестве причин, определяющих ход истории. Человек, действующий в истории и облеченный властью, думает об общественном благе через призму своих корыстных, честолюбивых целей. Политик движим тщеславием – страстью, основывающейся на желании вызвать в других убеждение в своей высокой ценности. Л. Толстой писал: «Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти, не скрывает от них так прочно, иногда до самого конца, тщету временной... жизни и ни одна не отдаляет так людей от понимания смысла человеческой жизни и ее истинного блага, как страсть славы..., в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолубия» [21, с. 119]. Слава достигается деяниями, однако, память о делах земных постепенно слабеет, наконец, обращается в тлен. Эфемерность славы Наполеона в повести Алданова «Святая Елена, маленький остров» доказывает эпизод со старым малайцем Тоби, который никогда не слышал о владыке мира, покорившем человечество своим гением и силой оружия. «Сколько царств о нас и не ведают!» [18, с. 85] – писал Паскаль, разумея ограниченность в пространстве мировой славы и ее скоротечность.

Субъективный психологический импульс, дающий толчок историческому поступку, неизменно оказывается у Алданова в центре художественного осмысления. Им берутся за рассмотрение особенности исторических деятелей, свойственные тем как частным лицам: возможность испытывать любовь, ревность, зависть, ненависть, усталость, страх и т.п. Все, живущие на земле: великие и ничтожные, счастливые и несчастные, власть имущие и неимущие – прежде всего, просто люди со своими человеческими слабостями и пороками. Ход истории направляет каприз властолюбца, тщеславца, завистника, мстителя или прихоть человека разочаровавшегося, уставшего, больного. От маленьких слабостей людей, чьи «личные цепи причинности» сталкиваются с «гигантской совокупностью цепей причинности» революций, войн, зависят большие судьбы мира: «Мысли о войне, о собаке, об опухоли мучили его всю ночь, сплетаясь все теснее. Он больше не знал, где кончается одно, где начинается другое. Бисмарк порою... думал, что смерть его дога увеличивает вероятность войны» [2, с. 104]. Писатель в своих романах неоднократно обыгрывает мысль о том, что половина исторических дел имела причиной неудачу в личной жизни. Здесь речь идет о пресловутом носе Клеопатры, будь который чуть короче, всемирная история получила бы иное направление, или о венценосном муже-рогоносце, который объявляет войну лишь для того, чтобы услать подальше от жены ее любовника-генерала.

Вермандуа в романе «Начало конца» размышляет над тем, из чего возникают войны. Одной из главных причин является сам факт существования института «военного дела»: «Никогда не воевавший генерал – глупейший парадокс. Хороший военный не может искренно желать, чтобы его жизнь прошла без единой войны» [4, № 12, с. 76]. Разумных причин для войны, по мысли Алданова, не было в истории почти никогда. Размышляя о первой мировой войне, писатель приходит к выводу, что «настоящими причинами катастрофы были не “англо-германское экономическое соперничество” и “борьба за рынки”: государственные люди того времени об этом не писали и не говорили, а о “внутренних противоречиях капиталистического строя” и не слышали: быть может, даже таких слов не знали» [5, с. 315]. С античных времен и до наших дней все войны в истории, считает Алданов, скорее могут быть объяснены вечной борьбой за п р е с т и ж, наделавшей столько бед человечеству, нежели какой-либо рациональной экономической теорией или политическими соображениями. Международная политика австрийского императора Франца-Иосифа накануне войны вполне миролюбива. Однако сильнее голоса здравого смысла (война унесет сотни тысяч людей, сильно пострадает армия) соображения государственного, а значит и личного престижа: «Со всем тем, я не отрицаю, что было бы очень хорошо

мирным путем присоединить Боснию и Герцеговину к м о е й империи» [Там же, с. 230] (*разрядка автора – И. М.*). Министр иностранных дел Эренталь стяжал краткое «бессмертие» чисто спортивной службой австрийскому престижу и умер в графском титуле с сознанием своих великих исторических заслуг. Присоединение им Боснии и Герцеговины к империи вызвало негодование сербов, что в конечном счете, по мысли Алданова, и привело к сараевскому убийству и мировой войне. Непосредственные же виновники мировой войны, по мнению писателя, – император Германии Вильгельм II и министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд: «по случайности, в 1914 году судьбы мира были в руках двух неврастеников» [Там же, с. 312]. Ультиматум Берхтольда, имевший целью положить конец страшному призраку Великой Сербии, а заодно поддержать и поднять австро-венгерский престиж, спровоцировал убийство в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда, которое в свою очередь кардинально изменило намерения Вильгельма, прежде благодушные: «пора обуздать Сербию, надо поддержать п р е с т и ж центральных империй, пусть будет война» [Там же, с. 317] (*выделено автором – И. М.*). Монархи ведущих стран, государственные деятели крупного ранга, самые влиятельные генералы, наконец, общественное мнение сознательно или бессознательно способствуют возникновению войн. Это «гибельная антиномия, заколдованный круг, от которого, – считает Алданов, – мир, в конце концов, и погибнет» [2, с. 560].

Основой всеобщего признания, по мнению В. Б. Ольшанского, является реальный вклад в удовлетворение той или иной общественной потребности, но точная оценка в обществе этого вклада опосредуется социально-психологическими факторами и, как правило, подвергается искажению. Французское «prestige» происходит от латинского «praestigium», что означает: «иллюзия», «обман чувств», «ложное очарование» [17, с. 508]. С обывательской точки зрения расширение границ государства, или уверение всего мира в демократических намерениях своей страны, или радение об интересах национальной безопасности – есть благо, но с позиции дальней перспективы «благо» может обернуться злом, мировой катастрофой. Политической прозорливости не существует, утверждает Алданов, история черна и непроницаема, иррациональна в своей последней сути, никто не знает, куда она повлечется завтра, какой причудливый узор в калейдоскопе составит игра бесчисленных случайностей: жизнь мизантропична, она ведет человечество «...неизвестно куда, неизвестно зачем – компаса нет, никакой Полярной звезды не видно» [4, № 8, с. 62].

Итак, мы убедились, что М. Алданов в своих произведениях прибегает к психологическому измерению исторического процесса, позволяющему постичь внутренние мотивации и побудительные причины поступков крупных фигур на мировом политическом олимпе.

Список литературы

1. Алданов М. А. Девятое Термидора // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1991. Т. 1. С. 37-316.
2. Алданов М. А. Истоки // Алданов М. А. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Известия, 1991. Т. 1. С. 5-576.
3. Алданов М. А. Ключ // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1991. Т. 3. С. 5-254.
4. Алданов М. А. Начало конца // Октябрь. 1993. № 7, 8, 11, 12.
5. Алданов М. А. Самоубийство // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1991. Т. 6. С. 5-446.
6. Алданов М. А. Святая Елена, маленький остров // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1991. Т. 2. С. 315-390.
7. Алданов М. А. Статьи о литературе. О романе // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Новости, 1996. Т. 6. С. 441-446.
8. Алданов М. А. Рецензия на книгу П. П. Муратова «Эгерия» // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Новости, 1996. Т. 6. С. 571-574.
9. Алданов М. А. Ульмская ночь: философия случая // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Новости, 1996. Т. 6. С. 141-438.
10. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
11. Золотавина Т. С. Психологический подход в изучении развития исторической личности: автореф. дисс. ... к. психол. н. Саратов, 2005. 20 с.
12. Кареев Н. И. Историология (теория исторического процесса). Петроград, 1915. 323 с.
13. Кдырбаева Б. А. История и личность в творчестве писателей 20-30-х годов XX века (А. Толстой, М. Алданов, В. Набоков, Е. Замятин): автореф. дисс. ... д. филол. н. / РАН, Ин-т миров. лит. им. А. М. Горького. М., 1996. 56 с.
14. Макрушина И. В. «Диктаториальные» фигуры в исторической прозе Марка Алданова: образ Наполеона (на материале повести «Святая Елена, маленький остров») // Труды Стерлитамакского филиала АН РБ. Серия «Филологические науки». Уфа: Гилем, 2006. Вып. 3. С. 76-78.
15. Макрушина И. В. Романы М. Алданова: философия истории и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2001. 27 с.
16. Макрушина И. В. Черты политического портрета Ленина в романе Марка Алданова «Самоубийство» // Методология, теория и практика в современной филологии, культурологии, искусствоведении, истории: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 21 августа 2013 г.). Новосибирск: ООО Агентство «Сибпринт», 2013. С. 39-51.
17. Ольшанский В. Б. Престиж // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 508-509.
18. Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 481 с.
19. Сечкарев В. М. Резонеры-философы в ранних романах М. Алданова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1995. Кн. 200. С. 143-169.
20. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж – Москва: УМСА-Press; Русский путь, 1996. 448 с.
21. Толстой Л. Н. Паскаль: приложение // Филиппов М. М. Блез Паскаль. Его жизнь, научная и философская деятельность. Челябинск: Урал LTD, 1997. С. 116-121.
22. Чернышев А. А. Гуманист, не веривший в прогресс: вступительная статья // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1991. Т. 1. С. 3-32.

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF MARK ALDANOV'S ARTISTIC CONCEPTION OF HISTORY

Makrushina Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
makrushina@mail.ru

The article highlights how M. Aldanov's historiosophical conception was influenced by the psychological theory about two-world human soul, which dark, destructive side is revealed in history. Psychologically determining political history the writer in his works reveals permanent human personal motives and subjective impulses becoming secret starting mechanisms of historical events (prestige considerations, love of power, vanity, human foibles and vices).

Key words and phrases: historical prose; historiosophical conception; two-world soul; historic personality; primacy of psychological determination of policy.

УДК 8

Филологические науки

В статье автор рассматривает особенности работы над экономическим журналистским материалом. Анализирует работу журналистов с различными видами цифрового материала, документами, экономической терминологией. Указывает на основные ошибки журналистов и приводит примеры из печатных современных средств массовой информации. В статье разъясняется, как сделать текст об экономических явлениях и процессах полезным и понятным для аудитории, не имеющей экономического образования.

Ключевые слова и фразы: экономическая журналистика; экономические темы; экономические термины; документы; цифры.

Мингинос Виктория Петровна

Южный федеральный университет
vistory@inbox.ru

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ[©]

«Экономический журналист должен быть своеобразным модератором, приводящим в действие работу мысли читателя на основании предоставленной ему качественной информации» [16], считает представитель сибирской школы экономической журналистики для традиционных масс-медиа В. Юкечев. Но это возможно только при производстве журналистом качественного контента, основанного на полной достоверной информации и отвечающего запросам целевой аудитории, т.е. экономический материал должен быть полезным и понятным читателям.

Однако, как отмечает Н. Н. Добрецова, в экономической прессе преобладают сложные и длинные тексты, которые пишут эксперты для небольшой группы продвинутых в данном вопросе читателей [8, с. 5]. По мнению некоторых исследователей, неспециализированные СМИ ограничиваются лишь освещением ключевых событий в сфере экономики, которые нельзя не заметить, а также сенсационных, скандальных историй. Но для того, чтобы написать качественный, полезный, понятный и интересный аудитории текст, журналист должен знать, как это делается. Стоит отметить, что большинство учебников, пособий, посвященных экономической журналистике, являются лишь справочниками по экономике для журналистов, из которых можно узнать определение и основные характеристики показателей хозяйственной деятельности, но они не содержат практических советов, как написать качественный журналистский текст о явлениях и процессах, происходящих в экономике, нацеленный на аудиторию неспециализированных СМИ. Большинство экономических журналистов приходится самостоятельно, ценой проб и ошибок, отвечать на этот вопрос. А аудитория тем временем недополучает необходимую ей информацию.

Проанализировав имеющуюся литературу по данному вопросу, выделим основные приемы и принципы построения экономических текстов для различных типов изданий. Для того чтобы подготовить качественный материал, во-первых, нужно располагать необходимой информацией, во-вторых, выстроить ее в тексте так, чтобы читатель мог понять суть проблемы и пути ее решения.

Согласно имеющейся научной и учебной литературе, журналистский материал на экономическую тематику строится по тем же параметрам, что и любой публицистический текст. А, как известно, принципы построения текста определяют жанр. В учебном пособии Д. А. Шевчука «Экономическая журналистика» приводится следующее определение: «Жанр – это группа произведений, характеризующаяся теми или иными сюжетными и стилистическими признаками» [14]. Причем, давая характеристику каждого журналистского жанра, Д. А. Шевчук не выделяет каких-либо особенностей при работе с экономической тематикой, и рассматривает жанры как универсальные принципы построения текстов независимо от тематики и типа издания, будь то общественно-политические или деловые средства массовой информации. Подготовка экономического